

РЕЙЧЕЛ ГИЛЛИГ

РЫЦАРЬ
и
МОТЫЛЕК



INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г47

Rachel Gillig
THE KNIGHT AND THE MOTH
(The Stonewater Kingdom, Book 1)

Copyright © 2025 by Rachel Gillig

Cover design: © Alexander Kopainski using illustrations by © Anna Moshak (cover motif, aizelkonart.com) and © Alessandra Fusi (frame, alessandrafusi.com); Sprayed Edges: © Alexander Kopainski

Перевод с английского языка *Елены Николенко*

Иллюстрация на форзацах *Patrisiya*

Гиллиг, Рейчел.

Г47 Рыцарь и мотылек / Рейчел Гиллиг ; [перевод с английского Е. Николенко]. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-242937-8 (оф. 1)

ISBN 978-5-04-249074-3 (оф. 2)

Перед Провидицами собора Ашлин благоговеют и трепещут. Девы, чей взгляд всегда скрыт за тонким покровом, легко меняют судьбы, ведь только им подвластна тайна толкования знамений Вещих богов.

Сибил, не знавшая жизни за пределами собора, привыкла к преклонению. И знать, и простой народ готовы пересечь бесконечные пустоши королевства, чтобы она открыла им будущее.

Однако есть и те, кто глух к ее словам. Например, таинственный рыцарь, сопровождающий короля, по имени Родрик Миндашес. У него три серьги в ухе, а рот полон язвительных речей, но именно он как никто другой знает, по каким законам живут обычные люди.

И когда Провидицы начинают пропадать из собора одна за другой, у Сибил не остается выбора, кроме как довериться ему. Грубияну, который не боится бросить вызов ее богам. Еретику, чье будущее она не может увидеть.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-242937-8 (оф. 1) © Николенко Е., перевод на русский язык, 2026
ISBN 978-5-04-249074-3 (оф. 2) © Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Ребенку в каждом из нас,
который жаждет быть особенным.*

*Бери меня за руку,
необычное маленькое создание,
И пойдем за стену.*



Собор Ашлин

Тебе знакома эта история, Бартоломью, хоть ты ее и не помнишь. Поведаю тебе все, уж как сумею, и клянусь говорить честно. А если не выйдет, то не моя вина. Рассказать историю — значит чуточку солгать, верно?

Однажды ты поднялся на самый высокий пик Траума, туда, где ветер напевает грустные мелодии. Там цвели маргаритки, и серые камни холодили твои босые ноги. Там стоял храм, — и ты, с губами в крови, крошечный словно букашка, прокрался через притвор в неф, затем по проходу. Там у алтаря из-под древнего камня бил родник; ты упал в него. Поднял взгляд на окно-розетку, и свет поцелуем коснулся цветного стекла. Твоим даром стало послушание. Ты оглашал имена богов и их знамения. Тогда ты научился грезить...

И тонуть.

Прости, Бартоломью, эта часть истории мне тоже не по душе. Но я порой гадаю...

Не будь ее, разве существовало бы остальное?



Глава первая

ШЕСТЬ ДЕВ НА СТЕНЕ

Горгулья, чудаковатый каменный истукан, что имел привычку изъясняться в основном туманными иносказаниями, прошаркал в темный угол галереи. Там, в паутине между железными канделябрами, билась муха.

— Все жужжит и жужжит... — Он погрозил мухе каменным пальцем, хриплый голос эхом раскатился по собору. — Поделом тебе! Уж сколько можно твердить: гляди куда летишь. А теперь... — Он склонился ниже и всмотрелся в паутину. — Сиди смирно. Я тебя вызволю.

Вызвolyть муху он, конечно, не стал. Вместо этого принялся дальше донимать несчастную букашку поучениями об опасностях полета. Обладая муха способностью мыслить, она, вероятно, предпочла бы сгинуть в лапах паука, нежели оставаться объектом заботы горгульи. Но муха не умела говорить, следовательно, и жалоб не высказывала. Она лишь продолжала жужжать, а горгулья — разглагольствовать.

Поэтому мне и удалось улизнуть от обязанности вытирать пыль с храмовых скамей — хотелось посмотреть, как король поднимается на холм.

Шлепая босыми ногами по каменному полу, я выскочила в неф, а потом и на улицу, залитую закатным светом, лучи которого проникали сквозь невесомый, как паутинка, покров у меня на глазах.

Часы посещений уже истекли, и на засыпанном щебнем дворе не было никого, кроме статуй из белого камня. Пять фигур с капюшонами на головах — безликие, древние, около десяти пядей высотой, с приветственно распростертыми объятиями. Все были как одна, различались только предметы, которые они держали в левой руке. У первой статуи — монета, у второй — чернильница. Третья сжимала весло, четвертая — колокольчик, а последняя, пятая — ткацкое грузило.

Между статуй я пробралась на цыпочках: всегда в глубине души боялась ненароком поднять шум и разозлить их. Но камень не умел ни гневаться, ни любить. И все же они следили за мной из мрака своих капюшонов — суровые, недвижимые. Я ощущала их взоры, как взор собора Ашлин, чьи витражные очи — безмолвные, древние, осуждающие — вперились мне в спину.

Я прибавила шаг.

Щебень двора сменился травой — я выскочила в сад с узловатыми деревьями. Лето подходило к концу, и кроваво-красные яблоки тяжело свисали с веток. Не медля, на ходу я сорвала спелый плод и выбежала из сада. Впереди высилась каменная стена. А на ней...

Ждали пять дев.

Они были в таких же блеклых платьях, как у меня, глаза — под таким же невесомым покровом. Девушки взирались на старинную ограду и стояли там, купаясь в лучах закатного солнца, а ветер трепал подола их одежд — точно пять белых флагов водрузили на стену в знак капитуляции.

Будто ощутив приближение последнего недостающего звена, они повернулись ко мне. Самая высокая, та, что чуть раньше помахала мне и прошипела от две-

рей собора «это ж король как-никак!», сложила ладони рупором и крикнула:

— Пошевеливайся!

Я прикусила яблоко зубами и коснулась мозолистыми пальцами старой каменной кладки. В высоту стена была двенадцать пядей, покрыта лишайником — не так-то просто на нее взобраться. Но за почти десять лет научиться можно чему угодно — так что для меня эта стена была знакома и особых сложностей не представляла.

Я взобралась наверх. Девы посторонились, освобождая мне место, и я уселась на стену верхом, перекинув через нее ногу.

— Это точно он?

Вторая — ее имени я не знала, только номер — высокая и мрачная, ткнула пальцем в сторону горизонта.

— Там, за обрывом, я видела пурпурные штандарты. Клянусь памятью матери.

— Если бы еще мать у тебя была... — пробормотала Третья.

— Подождите чуточку, — сказала вытянувшаяся в струнку Вторая, — сами увидите, я права.

Пятая — она стояла рядом со мной — отвела от лица прядь рыжих волос, но ветер швырнул их обратно.

— Дай откусить? — спросила она, кивнув на мое яблоко.

— Кисловатое. — Я протянула ей плод.

— Фу! — Она скривилась, швырнула яблоко со стены, и оно с глухим стуком приземлилось у обочины дороги — алым пятнышком в зелени. — Как ты вообще ешь эту гадость?

— Вряд ли мы это когда-нибудь выясним. — Сидевшая рядом Четвертая накрутила на пальцы черный локон. Она коснулась моего плеча, и наши взгляды встретились — или мне так показалось. Кто знает, куда она смотрела на самом деле? Наши глаза были спря-

таны под тонкими покровами: я не знала ни имен своих подруг, ни цвета их глаз.

Я и цвета своих глаз не знала.

— Проклятье! — Четвертая медленно растянула губы в улыбке. — Вон он!

Мы повернулись. На востоке, из-за зеленых холмов выглянули...

Пурпурные штандарты.

Я прищурилась. Смотреть через тонкий покров было точно смотреть сквозь поднимающийся от котелка пар. Но пик, на котором стоял наш собор, был самым высоким, холмы Траума раскинулись широко, а воздух был столь чист, что мне не составило труда во всех подробностях разглядеть процессию короля Кастора, едва лишь та показалась на виду.

Их было около двух десятков — знаменосцев, оруженосцев и рыцарей. Ну и представление они устроили! Доспехи блестели на солнце, а шуму было столько, что тот, подхваченный ветром, летел к нам искаженным эхом, и речь всадников сливалась в неясный гул. Даже с такого расстояния мы догадались, кто из них король Бенедикт Кастор. Его доспехи были выкованы не из отливающего серебром железа, как у всей свиты, а из золоченого, словно он — солнце, а рыцари, окружающие сюзерена, — скопление малых звезд.

Вот так я впервые увидела юного короля.

Процессия скрылась за грядой холмов. Уже скоро всадники проедут в точности под стеной, на которой мы расселись в ожидании, словно воробьи на веточке.

Первая задумчиво постучала пальцем по подбородку.

— Многовато рыцарей для простого Прорицания.

— Нам же лучше, — усмехнулась Четвертая.

— Говорят, король совсем мальчик, — как обычно равнодушно обмолвилась Третья, словно читала вслух из книги. — Говорят, он боится даже собственной тени. Наверное, ищет помощи в старом жутком Ашлине.

— Мечи и доспехи здесь ничто, — прошептала я ветру.

Остальные кивнули.

— Что ж, тогда... — Первая запустила руку в бесформенные складки платья и достала шесть соломинок. — Двигайтесь поближе, злючки.

Хором застонав, мы придвинулись ближе. Вторая встала напротив Первой, которая протянула ей кулак с зажатыми в нем соломинками. Правила были просты.

Главное — не вытянуть короткую.

Вторая достала из центра пучка длинный стебелек. Первая потянула с края — снова длинный. Они вытягивали их, пока не осталось всего две соломинки. Помедлив, Первая сделала ход — резко дернула выбранную соломинку...

И усмехнулась.

— Короткая — у тебя, Вторая.

Та, высоко подняв подбородок, оглядела нас.

— Иди сюда, Третья.

Игра продолжилась. Вторая одержала победу над Третьей и с самодовольным видом отошла к Первой. Прочие взволнованно кусали ногти и ждали своей очереди. Четвертую победила Третья, а потом и Пятая.

Когда Четвертая осталась лишь со мной, своей последней соперницей, она застыла, точно каменная статуя.

Словно исполняя известный нам одним танец, мы пошли вдоль стены. Судя по шуму, королевский кортеж приближался. Сжав соломинки мертвой хваткой, Четвертая кивнула мне.

— Давай ты сначала.

Внимательно всмотревшись в обтрепавшиеся кончики соломинок, я вытянула длинную. Четвертой тоже повезло. Ржание лошадей и смех рыцарей раздавались совсем близко. Я выбрала еще раз — опять длинная. Четвертой досталась такая же.

Третья присвистнула.

— Две последних. Боишься, что будет тошнить и сил флиртовать не хватит, Четвертая?

— Заткнись! — Четвертая кивнула мне. — Тяни.

Я знала, о чем она думает. Мы все об этом думали. Потому и разыгрывали эту партию уже сотни раз.

Никому не хочется грезить.

Ветер легонько взьерошил мои короткие серебристые волосы, но я не отрывала взгляда от соломинок. От характерного узора на их истрепанных желтых кончиках.

— Эта!

Все девы придвинулись к нам, и Четвертая показала соломинки.

Вторая захохотала.

— Везет же тебе, потаскушка!

Короткую соломинку вытянула я.

Четвертая с облегчением засмеялась.

— Тем лучше, Шестая. Ты — ее любимица. Ты в воде никогда не бьешься.

Я зажала в огрубевшей ладони соломинку — кривую и хрупкую, а потом снова уселась на стену, и тут как раз показались первые всадники кавалькады короля.

Впереди, на ратном коне светлой масти без единого пятнышка травы на боках, ехал сам король. Бенедикт Кастор держался в седле не так, как его предшественник, отстраненный и безучастный ко всему король Авгур — сероглазый, седовласый. Король Кастор, напротив, будто сгибался под тяжестью ноши, его доспехи скрипели, словно сковывая непривычное к ним тело — точь-в-точь оруженосец, нарядившийся в рыцарские латы. Его щеки были круглыми, а подбородок — гладким. Интересно, он уже брился?

— Только представьте, — прошептала Пятая, — в семнадцать лет избран рыцарством для защиты веры. Семнадцать — и уже король.

— Которому всему миру нужно показать свою силу, — пробормотала Первая, глядя на короля сверху вниз.

Тот проехал под стеной, не взглянув на нас, не догадавшись, что его рассматривают. Но тут Четвертая громко ахнула, и королевский знаменосец поднял взор. Увидел нас и широко распахнул глаза. «Провидицы», — прошептал он одними губами. Потом осмелел и окликнул рыцарей, что ехали позади него.

— Шесть дев на стене! Провидицы!

Послышался громкий топот и ржание коней.

Рыцари выехали на открытое место. В их рядах были и женщины, и мужчины — все непохожие друг на друга. У некоторых были благородные светлые волосы уроженцев Утесов Беллидина или острые, скуластые лица жителей хуторов, что раскинулись у подножия Ярых Пиков. У воительницы с топором за спиной вокруг глаз был размазан уголь — отличительный знак обитателей Звнящего Леса.

— Провидица, — крикнул какой-то рыцарь, поднимая забрало шлема. Он смотрел на Четвертую. — Прекрасная таинственная дева! Я убивал спрайтов — защищал богов и веру. Умоляю, в награду за мою преданность даруй мне поцелуй!

Прочие рыцари тоже тянули шеи, снимали шлемы, чтобы разглядеть нас получше. Одни выкрикивали рыцарский девиз в знак приветствия, другие бросали нам полевые цветы и молили — о, как они молили! — о нашем внимании, теплом слове, поцелуе, хотя стена была слишком высока, и было куда приятнее смотреть на умоляющих мужчин, чем достаивать их прикосновением своих губ.

Я склонилась, чтобы увидеть глаза прибывших. Матушка-настоятельница собора и пять дев, которые стояли сейчас рядом со мной, носили на лицах тонкие покровы, так что кроме глаз посетителей я постоян-

но видела лишь глаза местных горгулий. А те, высеченные из камня, напоминали наш храм. Они потрясали воображение — и были совершенно лишены жизни.

Зазвонили колокола.

Королевская процессия поредела, под стеной проехал последний рыцарь. Провидицы с привычной ловкостью двинулись вдоль ограждения, но я осталась на месте.

Раскрыла ладонь и отдала обломки короткой соломинки на волю капризного северного ветра. Колокола храма продолжали неумолимо звонить. Я поднялась на ноги, повинаясь их зову, готовясь к тому, что мне предстояло, но тут...

Снизу послышалось ржание лошади.

На дороге томился отставший от кортежа рыцарь. Его лошадь упрямо стояла на месте и шумно жевала что-то найденное в зеленой траве у обочины.

Мое яблоко.

Всадник попытался пришпорить кобылу, но та довольно фыркала, целиком отдавшись поеданию яблока. Она даже не шелохнулась.

Из-под латного шлема донесся приглушенный поток брани. Под настойчивый гул храмовых колоколов рыцарь заерзал в седле, запрокинул голову — и мне открылась темная прорезь его забрала, сквозь которую он обзирал мир. Увидеть в ней глаза было невозможно. Как и ему — разглядеть мои сквозь покров. И все же в животе у меня ухнуло — я ощутила это в тот миг, когда он приметил меня на стене. Его плечи окаменели. Он медленно потянулся к шлему.

Снял его, открыв густую черную шевелюру. Отбросил с лица волосы, и я чуть не задохнулась.

Резкие черты лица. Темные брови. Выдающийся нос. Смуглая, позолоченная солнцем кожа, но в лице его не было пыла. Три поблескивающих на солнце

золотых кольца, вдетых в правое ухо всадника. Суровые, густо подведенные углем карие глаза — настолько темные, что их легко можно было принять за черные.

Они тоже смотрели холодно.

Рыцарь взирал на меня — глаза вначале широко распахнулись, затем тут же прищурились. Губы неспешно искривились в усмешке, значение которой сложно было истолковать превратно.

Проклятье, на что ты там уставилась?

Прочие рыцари мне улыбались, они не бросали вызов, лишь благоговейно трепетали. А этот, похоже, ничего подобного не испытывал.

— Эй, рыцарь, — окликнула я. — Ну и зрелище эта ваша братия. Неужели король так испугался, что для Прорицания ему потребовалась вся рыцарская свита?

Незнакомец по-прежнему сурово смотрел на меня. Он ничего не ответил.

— Я говорю, король...

— Зрелище тут не мы.

— Что? — Я недоуменно моргнула.

Он не стал ничего объяснять, лишь, поскрипывая доспехами, продолжил недружелюбно взирать на меня.

Я выпрямилась во весь рост, возвышаясь над ним подобно шпилью собора.

— Благовоспитанный рыцарь скорее откусил бы себе язык, чем посмел бы так говорить с дочерью Аш-лина.

Он сжал губы, словно я сказала что-то смешное — причем о себе же самой.

Тут позади раздался хриплый голос:

— Бартоломью!

Я резко крутанулась. В саду, в тени нависающего храма, стоял тот самый чудаковатый каменный истукан, которого я оставила в галерее.

— Немедленно спускайся, Бартоломью! Нас ждут, — снова позвал он меня.